

* * *

Волчица-ночь, я твой голодный брат.
Кометы хвост опущен в прорубь неба,
как удочка... Ловлюсь на запах хлеба,
на млечный сок, черничный мармелад.

Из уличной пекарни благодать
исходит или что-то в этом роде...
И хочется при явной непогоде
мелодии Вивальди навывать.

Масленица

Зимы потешная игра.
Сначала грелись у костра,
солому скручивали в жгут,
а нынче чучело сожгут
зимы, играючи с огнём.
Ура, мы всё в дугу согнём!
А разогнём ли? Пьяный босс
не задаёт себе вопрос.

Зимы агония, огонь.
В огне — солдаты без погон.
Гробами полнится земля,
а по кресту ползёт змея.
И раскрывает фейерверк
павлиний веер снизу вверх,
вздымая гордости волну
у тех, кто празднует войну.

...Но голова болит с утра.
На масленицу, знать, пора
опохмелиться, клином — клин!
И съесть без масла ржавый блин.

Мой город

Летом — грязь, зимою — холод, круглый год вдыхаем смог, но люблю я этот город, а Москву, увы, не смог	полюбить за то, что в крае, где с рождения живу, чем владел бы, всё украли и отправили в Москву.
--	---

Берег

Где-то там, в недоступных глубинах, скрытых Богом от алчущих нас, есть пространства, где небо в рубинах и сапфирах, а солнце — алмаз.	Но тому открываются воды, кто душою и помыслом чист, и того наградит морехода указующий путь аметист...
--	--

Там впадают хрустальные реки
в океаноподобный кристалл,
где жемчужных рептилий веками
не достанут гарпун или трал.

...Жаль, что наша команда не верит
в откровенья — они же не врут —
и торопит вернуться на берег,
зеленеющий, как изумруд.

В июле окружили синева
и Юлия, рисующая Льва,
Елена, наполняющая дом
недостающим солнечным теплом,

и на стене — постели всех мастей,
а за стеной постели для гостей...
Куда бы с Сахалина ни бежал,
не обойти мне родину Байкал.

Молитва

Под ноги путь лёг.
Стрелки часов — враги.
Надо придти в срок.
Господи, помоги.

Тех, кому недалеко,
мне уже не догнать.
Но никакой рекой
не повернуть вспять.

Ближе ты, чем во мне,
дальше, чем никогда.
Даже когда в огне
или кругом вода.

Ты всё молчишь — о чём,
дай же и мне знать.
Встречу звезду свечой
и отведу спать...

Летучая мысль

Кажется, понимаю,
зачем увлекает высь
непрощеная, немая,
неуловимая мысль.

А то, притворясь убитой,
как в тире, вниз головой
на солнечном сталактите
повиснет передо мной.

То она дикой стаей
лебедешуравлей
летает, не подлетая
на выстрел, среди полей.

Укусит летучей мышью —
я вздрогну — исчезнет вновь...
А после, ночью тишью,
вернётся. И выпьет кровь.

Рулетка

Если вдруг однажды разом
подведут душа и разум,
и ответят мне отказом
слух, и зрение, и речь —
этим можно пренебречь.

Пусть проигрывает редко
жизни русская рулетка —
а она стреляет метко
по ответному лучу,
по своим — но я лечу.

Никто

Я сегодня взял выходной
разобраться, кто я такой.

Вынул стрёмную душу
лохотроном прослушать.

Поднимая за слоём слой,
понимаю: клиент не мой.

Я — не я, и не то пальто...
Это он, господин Никто!

Я-то знаю, что он не злой —
выраженьем лица такой.

Но пугает честной народ
строгий глаз и в усмешке рот...

Нет друзей у меня, со мной
только я и Никто другой.

* * *

С июнем не шучу. Куда ни плюнь,
плевком ответит ветреный июнь.
В то время как прогнозы по стране
пугают нас циклонами извне,

забытые вернулись холода,
отключена горячая вода,
и к Сахалину магаданский лёд
восточное течение несёт.

На Ванькином ручье

Приветствую тебя, рыбацкий стан!
Под солнечным и звёздным излученьем
я здесь кунгасил до изнеможенья
и этим был доволен, сыт и пьян.

Отныне, на оставшийся лимит,
календари готовят охлажденье
и умопомраченье... Но сраженье
не кончено, пока я не убит.

В наряде брачном, в красной чешуе,
идёт кета к могилам размноженья,
и жизнь, и смерть не терпят возраженья
на нерестовом Ванькином ручье.

Под рыбьей кожей, в жабрах и ноздрах,
исполнивших своё предназначенье,
мушиный рой оставил отложения,
надёжные, как дар на алтарях.

Того и жди, утратами грозя,
придёт октябрь в багровом окруженье
на зов земли, на запах обнаженья,
которому противиться нельзя.

И время, шелестящее назад
невидимо, как свет самосожженья,
возьмёт себе моё стихотворенье
и высушит слезу в моих глазах.

* * *

*Любимой,
но не женицине и не работе*

Я лучше всех! — вопит медийный храм
и рэпом зазывал бубнит с экрана
всенощную так истоиво и рьяно,
что я её гоню ко всем чертям.

озвученных в отточенном размере,
и по слегка пружинящей манере
походки, по движению руки
над клавишами начатой строки

Я узнаю приём твоих врагов.
Они в тебя желают превращаться,
чтоб ты сама не смела приближаться...
Но с расстоянья нескольких слогов,

и по тому, как ныне же и присно,
и в каждый час, когда тебя не ждёшь,
и как сейчас — я слышу верный признак:
твои шаги, бросающие в дрожь...

* * *

Сегодня я увидел во дворе,
что Новый год приходит в декабре.
Деревья поменяли свой наряд,
на них цветные лампочки горят.

ответил, воссияв, светодиод, —
а следом, Анно Домини, грядёт,

«А по какой причине торжество?» —
я спросил. «Святое Рождество! —

как повелел всемирный календарь,
две тысячи семнадцатый январь».
«Ну, что же, слава Богу, — говорю, —
и крепкого мороза январю».

* * *

...Надеюсь, и февраль переживу.
Но день и ночь — и вновь — весну зову,
замедлившую ход своих шагов
от происков придуманных врагов...

* * *

Любил бы я весёлый месяц март,
да растерял любительский азарт,
когда узнал, что Сусуя-река
не тронется без допинга, пока

река Еланька ей не принесёт
из города настойку нечистот,
а у меня на крыше гаража
не зацветут окалины и ржа...

* * *

Пока пропишет капельниц апрель,
сорвётся сердце, как с крючка форель,
и, как предохранитель, не болит,
а просто отключив меня, сгорит...

* * *

Останусь жив, уеду в майский лес,
где солнце излучается окрест,
и мысленно по колкому лучу
пойду себе... И выйду, где хочу.

* * *

Я засыпал, когда не спящий ум
отметил непонятный внешний шум,
похожий на протяжный тяжкий вдох,
как будто за окном вздыхает Бог,
уставший от вселенской маеты...
О, Господи, да выдохни же ты...

* * *

У нас с тобой не холод и не зной,
не трезвость и, надеюсь, не запой.
Но всё-таки мы встретились не зря
в тишайшей середине сентября...

* * *

И вопреки коленкам и локтям
ободренным, любили мы октябрь
за то, что в наши тайные места
он постелил кленового листа...

* * *

От тесноты и всяких пустяков
случилось столкновение облаков.
И небо помутилось, а оно
в окраинах полей заземлено.

Суглинистая мёрзлая земля
всё приведёт к значению нуля.
А вот и снег на голову... Виват
тебе, ноябрь! Никто не виноват.